

с. 3.

ТЕАТРЪ.

«Дядя Ваня», — сцены изъ деревенской жизни Ант. Чехова.

Странную и совершенно большую пьесу показали намъ третьяго дня съ подиумомъ Греческаго театра. Называется она «Дядя Ваня» и написана Ант. Чеховымъ. Пьеса эта — съ надрывомъ или, какъ поправилъ меня одинъ изъ присутствовавшихъ въ театрѣ, съ нарывомъ. Да, съ нарывомъ, который тутъ жъ, на сценѣ, рѣжутъ — конечно, нарывомъ не физическимъ, а психическимъ. И такъ тинется четыре томительныхъ дѣйствія. Вотъ извѣстно, что жизнь есть тягость в страданіе. Но жизнь не только то и другое. *Противу-художественно* то, что авторъ даетъ намъ только мрачный фонъ *). Свѣтлыя явленія совсѣмъ отсутствуютъ, между тѣмъ, какъ они есть, они должны быть. Если даже ихъ нѣтъ (предположимъ эту невозможность), авторъ, съ цѣлью одѣлать въ зрителѣ художественное и нравственное впечатлѣніе, долженъ вызвать ихъ на сцену, долженъ дать намекъ на нихъ, надежду. Пьеса г. Чехова производитъ только безотрадное впечатлѣніе, впечатлѣніе кладбища. Передъ нами ходятъ и говорятъ, и дѣйствуютъ живые люди. И еще вотъ что. Надъ героями виситъ зловѣщій фатумъ. Въ сущности, что общаго между древней греческой трагедіей и пьесой г. Чехова? А между тѣмъ сходство несомнѣнное. Отъ начала до конца чувствуется предопредѣленіе въ жизни чеховскихъ героевъ. Отъ судьбы не уйдешь. Судьба гнететъ, давитъ. И эту пассивную теорію неизбежности страданія чеховскаго сопровождаетъ аккомпаниментъ гитары, подобно арфу въ «Царѣ-Эднѣ».

Есть ли въ пьесѣ дѣйствіе? Одинъ наивный человекъ жаловался мнѣ, что въ пьесѣ отсутствіе движенія и знакомство со сценою. И, конечно, наивный человекъ съ своей точки зрѣнія, правъ. Другой, напротивъ, радовался оригинальности конструкціи и говорилъ, что г. Чеховъ дѣлаетъ много настроеній. И этихъ характеризовала достоинство пьесы. Но *настроение* — слово очень неопредѣленное. Намъ вѣ-
 *) Это, однако, мнѣ его любимая тема, свидетельствующая о томъ, что авторъ самъ переживаетъ душевный кризисъ.

вы не настроенія, а факты и освѣщеніе фактовъ. Жизнь состоитъ изъ фактовъ, дурныхъ и хорошихъ, изъ сочетаній и борьбы тѣхъ и другихъ.

Обыкновеннаго зрителя пьеса г. Чехова нисколько не удовлетворяетъ. Обыкновенный зритель ищетъ — и по праву — реального, трезваго сюжета, съ извѣстными нравственными освѣщеніемъ. Онъ просто на просто скучаетъ и зѣваетъ на театрѣ, какъ скучаетъ и зѣваетъ на сценѣ наша

Марина. Въ интеллигентномъ же и чуткомъ зрителѣ злая иная чернота фона пьесы усугубляется вообще присущее современному интеллигентному человѣку чувство тяжести жизни. Развѣтвіе сюжета сопровождается цѣлой декорацией звуковъ, еще болѣе усиливающей это чувство. Въ первомъ дѣйствіи ананасовъ «Цынь-цынь», во второмъ колотушки (которыми добросовѣстные актеры злоупотребляли), зѣвота нини и, наконецъ, гитара, — все это производитъ такое гнетущее впечатлѣніе, что хочется бѣжать, уйти, не видѣть необходимости и пошлости жизни. Но куда уйти изъ этой деревни, съ этого лона природы? Въ городъ? Но лучше ли въ городѣ, г. Чеховъ? И, скажите, вообще, гдѣ лучше? И еще скажите намъ, отчего вы ставите вопросы о тоскѣ жизни, но не разрѣшаете ихъ? Я знаю, вы не разрѣшили ихъ еще и для себя. Но легче ли намъ отъ этого? Проверьте, г. Чеховъ, что у насъ и своей тоски достаточно. И смотрите эту тоску еще и на сценѣ, тоску, рѣзаную сгущенную, утрированную, — не будетъ ли это слишкомъ много для вашихъ больныхъ нервовъ?

II. Герцо Виноградскій.

Р. С. Чеховская пьеса сыграна была добросовѣстно. Намъ кажется, однако, что г. Надѣлинъ внесъ нѣсколько пошлыхъ тоновъ въ роль доктора Астрова, а г-жа Немроуicz придавала истинно нѣсколько водевильный отзвучокъ профессорской женѣ. *Безусловно* хорошъ былъ г. Рошинъ-Исаровъ (Дядя Ваня).

III. Г.-В.

Е. О. Кр. сопекая† 30 августъ, въ Москвѣ, съ начала 50-хъ остраго воспаленія кишекъ, старѣйшая артистка труппы театра Корша — Елизаветъ Фоминична Красовская, на 76 г. отъ рожденія.